

Василий Брусянин

Дом на костях

Василий Васильевич Брусянин
Дом на костях
Серия «Дом на костях»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=9445241

Аннотация

«Так и звали все в городе наше обширное, старинное обиталище „дом на костях“. Страшным казалось это название, угрюмым и пугающим; страшным казался всем и наш дом. Да и мы все, обитатели его, жили в каком-то постоянном страхе перед жизнью, как будто проклятие какое-то висело над всем нашим родом. И дед мой, и бабушка, и отец с матерью, и все дяди и тёти мои, – все мы были несчастны, хотя и богаты... Я говорю – „мы“, потому что и я, один из последних обитателей дома на костях, тоже несчастный, к тому же ещё и бедный, бездомный, бессемейный. Мне уже пятьдесят восемь лет, а я ещё не женат, да и смешно теперь об этом говорить...»

Содержание

I	4
II	7
III	11
IV	14
Конец ознакомительного фрагмента.	15

Василий Брусянин

Дом на костях

(Семейная хроника середины XIX века)

I

Так и звали все в городе наше обширное, старинное обиталище «дом на костях». Страшным казалось это название, угрюмым и пугающим; страшным казался всем и наш дом. Да и мы все, обитатели его, жили в каком-то постоянном страхе перед жизнью, как будто проклятие какое-то висело над всем нашим родом. И дед мой, и бабушка, и отец с матерью, и все дяди и тёти мои, – все мы были несчастны, хотя и богаты... Я говорю – «мы», потому что и я, один из последних обитателей дома на костях, тоже несчастный, к тому же ещё и бедный, бездомный, бессемейный. Мне уже пятьдесят восемь лет, а я ещё не женат, да и смешно теперь об этом говорить...

Служу я писцом в городской управе и вот уже тридцать лет получаю всего лишь тридцать пять рублей в месяц. Когда лет пятнадцать тому назад я возбудил было вопрос о прибавке жалованья, городской голова, купец Ахунин, посмотрел на меня и сказал:

– Для чего вам, Леонид Александрыч, жалованья прибавлять, человек вы одинокий, неужто вам не хватает тридцати пяти?

Врать я не умел с роду и говорю купцу:

– Хватает.

– Ну, так чего же вам!.. А у нас есть служащие семейные, им и прибавляем по мере лет службы.

После этого я уже и не возбуждал вопроса о прибавке жалованья: тридцать пять, так тридцать пять... Бог с вами!.. И только сказал городскому голове:

– Обидно больно, Артамон Игнатьич, другим прибавляете, а я как оглашенный какой...

– Что говорить об обидах!.. Я вон, может, министром бы должен быть по своим понятиям, а вон наши глоты в прошлый год чуть меня и в городские головы не забаллотировали... Вот оно какое дело-то!.. Обижайся, не обижайся, а живи, как Бог приказал...

И вот живу я, как Бог приказал, и мучаюсь всю мою жизнь. А всё оттого, что над родом нашим повисло вековое проклятие. Прогневили Господа наши деды и отцы, а мы отвечаем за них...

Люди распространили о нашем роде страшную легенду, но это всё вздор. Говорят, что все несчастья обрушились на нашу семью только потому, что дом наш построен на человеческих костях. И, помнится, в детстве я верил в эту страшную легенду, и радости и счастье моего детства отравлялись этой верой в то, чего не было и не могло быть.

Вздорная легенда создавалась благодаря следующим обстоятельствам.

В двадцатых годах прошлого столетия появился в нашем городе купец Влас Артамонович Дулин. Приехал он богачом откуда-то с Урала и привёз с собою дурную молву: о нём говорили, что он разбогател, распространяя фальшивые ассигнации. Приехал к нам в город купец Дулин, купил в пригородной Овражной слободке пустырь и построил химический завод: варил мыло, выгонял из костей клей, обдελывал кожи, занимался и выгонкой скипидара. Дело пошло, и скоро он сделался видным купцом не только в нашем прикамском городе, но и по всей округе и даже на той стороне реки Камы. А лет через пять женился на богатой купеческой дочке и соорудил диковинный для наших мест дом, тот самый проклятый дом на костях, в котором и мне суждено было родиться.

Вначале дом был одноэтажный, с обширным мезонином, с балконами и разными галереями и светёлками. Потом, по мере роста семьи моего прадеда, вокруг дома возникали всё новые и новые пристройки и корпуса. По фасаду улицы он таким и остался, каким его соорудили вначале, а во двор шли всё пристройки, клетушки и галереи и кладовые для склада имущества и товаров. Дом был обнесён высоким дубовым частоколом, и только ворота и калитка соединяли обширный прадедушкин двор с улицей и с остальным живым миром. Заводские корпуса помещались в глубине двора, а между ними и домом как предохранение от пожара был выращен тенистый сад.

История постройки дома на костях долго ещё передавалась из уст в уста как летопись начала нашего рода. Рассказывали, например, о том, как с верховьев Камы гнали к усадьбе прадеда громадные «грузовые» плоты из толстых «в обхват» елей и сосен. Брёвна эти десяток лошадей втаскивали в гору от берега, здесь они распиливались, и из толстых брёвен возникали срубы. И для фундамента прадед мой выписал с Урала какой-то особенный белый и крепкий камень, ноздреватый как морская пена, но крепкий камень, так что и железным молотом его не возьмёшь. Рассказывают и о том, как прадед мой извёл прекрасную дубовую рощу, скупивши её за бесценок у какого-то разорившегося помещика. Роща эта была вырублена, а дубовые брёвна в два и три обхвата были пригнаны в усадьбу плотами по той же Каме. Из толстых дубовых досок купец Дулин соорудил в своём доме полы и потолки, косяки дверей и окон. И рамы были сделаны из дуба, и колонны балконов с полами и потолками, и крыльца все и светёлки. Рассказывают, что и кровля дома была покрыта дубом, но потом дуб прадед мой заменил черепицей, а дубовые доски с кровли были проданы каким-то иностранцам за дорогую цену.

И вот прошло теперь уже больше ста лет, а дом этот до сих пор стоит на берегу Камы, и ничего ему не делается. Перешёл он уже в третьи руки, а всё стоит. Теперь он уже оштукатурен и покрыт железом, и неопытные люди бывший дом наш считают каменным, а на самом деле под белой штукатуркой всё те же еловые и сосновые стены. Те же и полы в доме, и потолки, только уже иначе размалёванные новыми владельцами. И дубовый частокол вокруг двора заменён невысокой каменной оградой, а на том месте, где был когда-то завод прадеда, выстроены теперь каменные конюшни, каретники и амбары.

В настоящее время домом моего прадеда владеет купец Куркин, а купил он его у нашего предводителя дворянства Слуцкого, который покончил жизнь свою самоубийством в одной из светёлок, сооружённых покойным моим прадедом.

На несчастном месте построил мой прадед свой дом. Какие-то, должно быть, грешные люди по реке гнали плоты, сооружали стены и двери, и окна. И до сих пор мне кажется, что легенда о том, что наш дом был выстроен на костях человеческих, сама жизненная правда. Бог мстит нам всем, жившим или живущим в доме, за то, что он построен на костях человеческих.

Помню эпизоды из своего детства. Когда я был гимназистом, на том месте, где когда-то был завод, лежали бугры земли, битого кирпича и камни. А кое-где сохранялся ещё старый фундамент дома, стены подвалов, засорённых обсыпавшейся землёю.

По обширному заводскому пустырю росла крапива, репы, чертополох, белена, лебеда и какая-то особенно красивая зелёно-жёлтая, нежная травка, названия которой я до сих пор не знаю. Но зелёно-жёлтая травка эта была у нас, малышей, в особом почёте.

Конюх, старик Евдоким, вселил в нас особенное представление об этой зелёно-жёлтой травке. Играли мы как-то с братом на пустыре в воров и разбойников (это любимая почему-то была у нас игра), а старик Евдоким собирал на ямах молодую крапиву для щей. Валялись мы на зелёно-жёлтой травке, а он всё смотрел на нас да что-то бурчал себе под нос. А когда мы с братом, поссорившись, начали горстями рвать зелёно-жёлтую травку и пучками её бросаться друг в друга, Евдоким, точно змеёй ужаленный, заорал и подбежал к нам.

- Барчуки, что вы делаете!?. Барчуки!.. Нельзя рвать эту травку!..
- Почему? – заинтересовались мы и забыли о своей ссоре и драке.
- Да как же можно рвать эту травку: святая она!.. Кровь это человечесья...

Мы оба с братом расхохотались над непросвещённым стариком, а брат мой даже и такую штуку отмочил:

– Евдоким, – говорит, – трава эта по-латыни называется «Duramentum», что значит по-русски прочная...

Я расхохотался над шуткой брата, а он продолжал уверять старика, что трава эта действительно называется прочной травой, и говорил:

– Ты пощупай, какая она мягкая, а твёрдая... Посмотри!..

И брат сорвал новую горсть травы, которая действительно была хотя и нежная на ощупь, но страшно твёрдая, и оторвать её от земли нелегко было.

Кинул горсть травы брат в лицо Евдокима, а он даже отшатнулся и лицо прикрыл руками и застонал. А потом поднял лицо, осмотрел белые облака, бежавшие по вешнему небу, и сказал:

– Потому она, барчуки, твёрдая, что Господь Бог не приказал её рвать и мять... Послушайте-ка вы меня, нехристи... Бога-то не боитесь...

Присел на обрубок гнилого дерева Евдоким, и мы уселись с ним рядом на тот же обрубок.

И сказал Евдоким с тоской в голосе:

– Из человеческой крови выросла эта трава... из человечесьей...

II

Что-то таинственное и интригующее нас с братом послышалось в особенном голосе Евдокима, и мы оба обратились в закаменевшее внимание.

А Евдоким продолжал свой рассказ:

– Было это давно... Пожалуй, и никто не скажет, когда это было... А только ходили по Волге и по нашей матушке-Каме разбойничьи шайки, грабили и убивали людей по дорогам и на реке шkodили: то барку изловят с товарами да ограбят, а людей-то всех либо на виселицу, либо нож в горло да и в реку... И вот были в те времена на горе нашей, где вот город-то наш построен, леса дремучие-предремучие. А в тех лесах вырыты были пещеры да ямы, в которых и укрывались разбойники от войск царских. А людей, что побогаче да познатней, люди те разбойные не убивали, а в свои пещеры затаскивали да и держали до той поры, пока сродственники их не выкупали их у разбойников. А выкуп разбойники назначали большущий, у кого и денег-то таких не найдётся... И вот выходило так, что кого сродственники не выкупят, разбойники с таким горемычным человеком, не говоря ни слова, по-свойски приканчивали – душили али вешали, а чтобы не быть в ответе, тут же в лесу около своего проклятого логова и в землю закапывали... Мотри-ка, весь-то наш город, а не то что только это место, и весь город на человеческих костях построен...

– Ну, уж это ты вздор мелешь, – возразил брат, но, как мне показалось, и возразил-то он только для того, чтобы ещё сильнее раззадорить рассказчика и заставить его говорить и говорить о старых временах наших прикамских лесов...

– А ты постой, барчук, помолчи!.. Люди старые, брат, не ввали, не то, что нынешние... А старые люди эти всё доподлинно знали и всё рассказывали... Я тоже вон помню своего прадеда, а он говорил, что на месте города-то нашего, когда он мальчонкой был, всего и была махонькая деревушка на этом месте, а где дом-то ваш, тут ещё лес рос. И ваш-то старый родитель, купец Влас Артамоныч, когда дом-то тут строил, по два обхвата сосны валил... Посмотри-ка стены-то какие у вашего дома...

– Ты, брат, врёшь, Евдоким! – снова возразил брат мой Женя. – Брёвна на дом с верховьев Камы пригонялись, папа говорил...

– А ты, барчук, погоди, погоди, не сучи языком-то!.. Отец-то твой годков на тридцать помоложе меня будет, и ничего он не знает, а у меня отец и дом-то ваш строил, наблюдателем, значит, был и за порядками наблюдал.

Мы немного сбили наладившийся рассказ Евдокима, уличив рассказчика в том, что по расчёту лет никак не выйдет, чтобы отец Евдокима мог быть наблюдателем при постройке дома прадеда.

– А разве я сказал, что отец? – переспросил Евдоким, немного смущённый.

– Ну, конечно, сказал, что отец твой был наблюдателем...

– Ах ты, Господи! – немного повеселевшим тоном продолжал Евдоким. – Не отец, а само-настоящий доподлинный дед мой Василий Петров... Ну, так вот... Когда дед-то мой мальчонком был, на этом месте, где город теперь, была простая деревушка... Почнут мужики колодец рыть или столб какой врывать, а тут тебе в земле-то всё косточки и косточки, да не какие-нибудь косточки, а всё человечьи... Прошлый год вон... а, может, два года назад... батюшка-то наш соборный дом новый клал из кирпича, и тоже, как почали канаву для фундамента рыть, то и вырыли целых пять лукошек человеческих костей... Ты тоже скажешь – не человечьи это кости, а батюшка-то знает: кости вырыли и на кладбище снесли, и в землю их зарыли, и панихиду над ними батюшка пропел... Стал бы он панихиду петь, коли это были бы не человечьи кости... Тоже, сказал!.. А я те вот что скажу, барчук мой милый, дом-

то ваш на самых главных костях и построен... Порой-ка-сь где, тут вот хошь, и непременно ты человечески кости найдёшь...

– И это всё вздор! – снова не утерпел и возразил брат. – На этом месте у нашего прадеда был завод клеевой, а клей из кости гонится... Вот тебе и кости!.. Воловьи, коровьи, лошадиные, может, собачьи и кошачьи кости в земле, а ты своё мелешь – человечески!.. Папа лучше тебя знает...

– А ты постой... посто-о-ой, барчук... не сучи языком-то!.. Батюшка не стал бы над собачьими костями панихидку петь.

– Да, ведь, он над теми костями пел, что нашли у него в усадьбе. А у нас здесь никакой панихиды попы не пели...

– Вот то-то и плохо, что никогда тут никакой панихидки не пели, оно и выходит – место страшное, потому кости человечески вопиют... вопиют они... Сколько тут на этом месте крови пролито, может, ручьи лились, а опять кости... Вон они наружи лежат... Вон!.. Вон!..

Евдоким поводил по сторонам своим толстым заскорузлым пальцем и показывал нам на кости, которые мы давно уже видели и на ямах, и в саду, когда чуть копнёшь землю вершка на два, и во дворе.

Нельзя было отрицать, что старый дом наш был построен на костях, но мы все, семейные, так легко объясняли это, памятуя, что у нашего деда был клеевой завод. Но устами Евдокима говорила сама народная молва. Из далёких времён, когда на Волге и Каме водились разбойники, пришла эта молва к нам и до нас, правнуков, докатилась.

– Почему же ты не соберёшь эти косточки да не позовёшь отца Игнатия, чтобы он в могилку их закопал и панихиду отслужил? – не унимался брат и оспаривал рассказ Евдокима.

– Побольше меня люди есть... Им бы это и сделать, папа вон ваш, мама, дедушка, бабушка... – немного смущённый, говорил Евдоким. – А я вам говорю, что другие говорят... Да!.. А отчего все несчастья на роду вашем?.. Отчего?.. Живёте богато, а счастья нет: смута одна в семье, болезни да смерти... Вон прадедушка-то ваш... Вон могилка-то... Вон часовенка-то стоит... На том самом месте и поставлена, где его громом-молнией убило...

Мы с братом посмотрели через забор на высокий холм за садом. На этом холме, где и теперь проходит гладко наезженная дорога, стоит старинная кирпичная часовенка, поставленная на том самом месте, где дед мой был убит громом.

А Евдоким продолжал свой рассказ:

– Вот с него все несчастья и начались... А какой он, царство ему небесное, был, – Евдоким три раза перекрестился. – И папаша-то ваш, небось, знает, какой крутой старик был: сколько людей намучил... А ещё и вон что говорят, будто прадед-то ваш из человеческих костей клей-то гнал... тот клей, что получше сортом...

– Фу! Какой ты вздор говоришь! – воскликнул брат.

– Может, и вздор, а может, и вправду это было... Лес тут в те поры был, а начальства никакого, что хошь, то и делай...

– Да вздор ты говоришь! – воскликнули уже мы с братом вместе.

И было страшно как-то заступаться за нашего прадеда и было ещё страшнее слушать вздорный рассказ Евдокима и не опровергать его.

Рассказы о том, будто прадед наш, действительно, выгонял клей из костей человеческих, смущали и деда моего, как он рассказывал, и отца. Да и бабушка не раз бранила «непутёвых» рассказчиков, но что же мы все могли сделать в оправдание прадеда нашего? Что дом наш построен на костях – это факт. А на чьих костях?.. Может быть, и вправду нужно было бы исследовать все эти кости и или опровергнуть страшную легенду, или молча признать истину и отслужить панихиду на ямах, оставшихся от разрушенного завода прадеда.

А Евдоким, подогретый нашим вниманием и тем, что мы не на шутку огорчены его рассказом, продолжал своё страшное повествование:

– А разве не правда, что прадед ваш имел до десятка жён?.. А?.. А деревенских мужиков, парней молодых, кто на хутора на Урал отправлял да там их как каторжников держал?.. А?.. Не прадед ваш? Парней на хутора отправит, а сам с их жёнами бесчинствует да мучает ту, которая не захочет быть его любовницей... А?.. Скажете, и это всё неправда?.. А кто над рабочими своими измывался да работать заставлял их целыми сутками, а кто ослабнет – в Каму тащили да там в воде над ним надругивались... А кормили как! Чем кормили?.. А как прадед ваш как всамделишный барин людей на собак менял, а собак – на людей?.. А?.. Тоже скажете – неправда... Нет, всё это правда... Правда истинная!.. Как перед Богом говорю вам, барчуки... Прадед-то ваш, хоть и не из господ был, а у него на заводе да и так-то на усадьбе людям жилось хуже, чем на барском дворе где-нибудь... Уж на что были злы помещики Скавронские, а у них того зверства не было, что у вас вот тут, на этом проклятом месте.

Евдоким смолк, и мы с братом молчали. Голос его как голос с неба был такой властный, гремучий, что казалось, что голосом этим заговорили все те люди, которых, действительно, замучил наш прадед. И сидели мы, подавленные рассказом Евдокима, хотя этот рассказ и не был для нас новостью. Мы давно уже и от деда, и от отца слышали рассказы о жестокостях нашего прадеда. И он вставал в этих рассказах какой-то легендарной, таинственной личностью, пугающей своими жестокостями, и вместе с тем мне всегда представлялось, что человек этот был человеком большой кипучей энергии, смелых замыслов и не менее смелых их выполнений. На Каме есть пережат, и он до сих пор называется именем моего прадеда. Когда-то на собственные средства он расчистил русло, и немало людей перетонуло на этой работе, и немало людей умерло от холода и морозов. Для своих торговых целей расчищал старик Каму, но и до сих пор в этом месте суда проходят беспрепятственно даже в самое сухое лето. А в городе имеются богадельня и школа имени моего прадеда. Можно бы было назвать и церковь Покрова его именем, потому что и эта церковь целиком воздвигнута на средства моего прадеда, страшного белого старика, как его когда-то звали все, кому приходилось встречаться с ним на пути жизни.

В те времена, когда был жив мой прадед, всё чиновничество поголовно брало взятки. Кажется, ни одного дела не сделаешь без того, чтобы не отблагодарить и маленьких чиновников, и покрупнее.

Помимо того, чиновники чванились и других людей, а особенно людей податного сословия, и купцов даже и за людей-то не считали. И случилось так, что в наш город по каким-то делам приехал один **набольший** чиновник, как говорили в то время. Приехал чиновник в наш город, разнёс за непорядки всех своих подчинённых, да и другим людям – купцам, попам, мещанам – досталось от него. А недоволен был **набольший** чиновник горожанами только потому, что плохо его встретили, несладко угощали, а главное потому, что мало выказали пред ним раболепства и повиновения.

И вот как-то к вечеру прискакал в усадьбу купца Дулина гонец от **набольшего** чиновника с криками и бранью. Как оказалось, мой прадед только один из всех купцов не подчинился приказанию чиновника и не приехал к нему с поклоном и подарком. Подарок-то купец Дулин послал чиновнику, и подарок этот был всех ценнее, но сам-то он не пожелал приехать к чиновнику. Возмутился чиновник и послал гонца с приказом живым или мёртвым, но доставить купца Дулина пред светлые очи начальника. Как в сказке хотели сделать, а вышло по иному, как в жизни, особенно, если дело касалось такого упрямого и честолобивого человека, каким был мой прадед.

– Скажи ты своему начальнику, – сказал купец Дулин гонцу, – что подарок я ему послал, а сам я – подарок не по зубам ему... Пшёл сейчас же от ворот моих!.. Да так и скажи,

мол, тяжёл подарок Влас Артамоныч Дулин, и никак он себя не может доставить господину начальнику на поклон.

Вернулся гонец к начальнику и рассказал, как было. А начальник в гнев вошёл, послал десять своих гонцов и приказал им насильно притащить к себе купца Дулина. И на этот раз ослушался купец Дулин и ещё больше рассердил начальника. Тогда начальник послал в усадьбу прадеда моего два взвода солдат, а наступила уже ночь, и все огни в усадьбе прадеда моего были потушены. Как в неприятельскую крепость ворвались солдаты к купцу Дулину, связали его и в таком виде доставили к начальнику. Прикинулся тут прадед мой покорённым и говорит начальнику:

– Твоё взяло, ваше превосходительство... Я думал, что сильнее всех на свете, ан выходит и посильнее меня есть люди...

Понравилось ли это признание его превосходительству, или же понравился сам старик ему, – а прадед мой даже своим внешним видом мог обворожить кого угодно, – но только видят все чиновники, что между начальником и купцом пленным завязалась самая близкая дружба. Привели к чиновнику купца связанным, а он уж против него сидит в кресле как равный с равным и пьёт с генералом чай с дорогим заморским вином.

Подивились люди странному событию и никак не могли его объяснить, да никто и не узнал, как же это так вышло, что ослушник купец вдруг стал приятелем грозного начальства. А к половине ночи из усадьбы купца Дулина прикатили тройки вороных, сивых и серых лошадей, впряжённых в красивые тарантасы. И покатали охмелевшие начальники во главе с купцом Дулиным в лес на гулянку, а в лесу уже и костры горят, и послушные слову купца Дулина слуги его вина разные да закуски на коврах расставляют, а в лесочке уже и хор певцов приготовился, и музыканты ждут приезда дорогих гостей в заповедную дубовую рощу купца Дулина. Показались на дороге быстро несущиеся в темноте тройки, вынеслись на полянку, озарённую пламенем костров, и запели тут люди в прославление **набольшего** начальника, а музыканты заиграли что-то весёлое и хвалебное.

Тут и начался лесной пир до утра. Верные холопы купца Дулина срубали в лесу деревья, разжигали костры, а чиновники с купцом пировали: пили да ели, кто чего хочет, и кто сколько хочет. А к утру и вышла такая оказия, что все гости купца Дулина оказались пьяными настолько, что как сидели на коврах, так и повалились, и самый главный начальник ослабел и тоже свалился у костра на ковёр.

Тут купец Дулин и начал настоящую свою забаву. Приказал холопам своим раздеть догола всех своих охмелевших гостей, как говорили, одурманенных каким-то дурманом вместо вина. Раздел купец Дулин своих гостей догола, приказал потушить костры, забрал всю чиновничью одежду, сел на тройку и холопам своим приказал наложить в экипажи остатки закусок да и самим сесть, да так под общий хохот все и выехали из леса. К утру костры окончательно потухли, и напали на голых спящих чиновников комары да мошка разная, а тут и солнце встало из-за лесов, и как проснулись гости купца голые, так и обмерли и не знали, что же делать. Идти в город в голом виде очень уж зазорно было, а послать за одеждой некого – все как Адамы какие-нибудь, да и холод утренний пробирал, а на траву выпала роса, и туманы ещё бродили у подножия вековых дубов.

Как пробрались в город одурманенные и одуроченные чиновники, никто не знает, и так эта история и заглохла. Говорят, что **набольший-то** чиновник вместо того, чтобы жаловаться на купца-озорника, приказал своим подчинённым молчать, да и в городе-то долго ещё преследовали тех, кто проговорится и расскажет о том, как купец Дулин угощал в своей заповедной роще чиновников.

III

Кончил жизнь свою купец Дулин в летнюю пору, когда особенно много было у него разных дел. Случилась на Каме буря и просвиристствовала дня два. Много плотов разметало той бурей, много судов сорвало с цепей и якорей. Не пощадила буря и барок прадеда моего. А в какой-то барке были разные дорогие товары, накопленные купцом Дулиным для своего пользования. Были тут и материи разные, и вина, и вещи разные, и закуски, и одежда дорогая для всех домочадцев богатого купца. И вот выгнал купец Дулин всех своих слуг на берег, чтобы спасти товар, а буря отнесла барку на середину реки, пробила у барки борт, и барка накренилась на правую сторону. Погнал купец лодки с людьми к тонувшей барке, а волны реки своё дело делали: качали на седых гребнях утлые судёнышки, заливали их водой да захлёстывали. А вот одну лодку и опрокинуло, и выпали люди за борт и начали тонуть. Выбрался ли кто из воды, нет ли – никто не знает, а только и остальные люди струсили да в лодках своих к берегу поплыли. Рассердился купец Дулин, приказывает людям садиться в лодки, а те, как ни покорны были, не решались губить своей жизни. Купец Дулин из себя выходит, кулаками людей бьёт и приказывает в лодки садиться, а те как вкопанные в землю ни с места. Пригрозил купец Дулин людям своим перестрелять всех и как паренёк молодой побежал в гору, чтобы ружьё и пули принести из дому. И до дому добежал, и ружьё с пулями схватил из спальни своей, а как выбежал вновь из усадьбы, новая страшная туча надвинулась на Каму, над усадьбой старика тёмное крыло тучи простёрлось. А гром несмолкаемо гудит и обрушивается на землю гулками раскатами, и молнии слепят глаза.

Выбежал купец Дулин на пригорок, что на самом берегу реки, тут его и ударило в голову стрелой небесной, молнией слепящей, и упал он мёртвым, а около него ружьё лежит, то самое ружьё, из которого он хотел перестрелять других людей.

Так и закончилась эта бурная жизнь человека, который всю свою жизнь хотел только повелевать. О последних годах жизни прадеда моего рассказывала мне моя бабушка. Как ни любила она отца, а всё же и по её рассказам выходило так, что страшнее этого человека во всём округе не водилось. Бабушка так именно и сказала: «Не водилось», как будто речь шла о каком-то лесном звере.

За год до смерти над домом прадеда моего стряслась другая беда. Ещё задолго перед тем, как только разбогател он, то и выписал с Урала двух братьев своих – Митрофана и Луку – и поручил им следить за хозяйством да наблюдать за рабочими завода. Оба брата как и сам купец Дулин были такие же как и он, энергичные, смыслённые да отважные. Дела брата они развернули на всю губернию, и стал купец Дулин доверять им и деньги большие, и дела важные. А тут вышло так, что вместо самого Дулина на ярмарки стал ездить Лука, да и брат Митрофан помогал ему в делах продажи. И вот, когда двум братьям попало в руки несколько десятков тысяч рублей, тут они и изменили своему доверителю. Забрали денежки да и уехали куда-то по Каме, а потом и вниз по Волге да до самого Каспийского моря. А в добавление к этому брат Лука увёз у купца Дулина самую красивую и самую любимую его Наденьку-монашку, как звали одну девицу из духовных, которая жила в городе, отбившись от семьи кладбищенского батюшки.

Чуть отходили купца Дулина от удара, когда он прочёл смешливое письмо брата Луки, а Лука писал, что, мол, вот что, братец, «служили мы тебе хорошо и денег нажили немало, а жалованье ты нам платил плохое да и так-то держал нас как слуг своих. Теперь мы и сами себе торговлю откроем и будем всегда тебе благодарны. А что касается Наденьки, которую вы прозвали в насмешку монашенкой, так мы с Наденькой давно друг друга любим и как приедем в такое место, где вам, братец родной, нас не достать, тут мы и обвенчаемся».

Что потом стало с двумя братьями Дулиными, бежавшими от родного брата, никто не знал. Говорили люди, что оба они разжились где-то на рыбных промыслах на море, а другие говорили, будто они погибли в водах морских вместе с Наденькой-монашкой.

И погоню устраивал купец Дулин за братьями, и разных людей нанимал и посылал их на розыски, но так из этого ничего и не вышло: как в воду канули и Лука, и Митрофан. А потом люди верные говорили, что оба они живы и богато живут, а насчёт гибели в волнах моря сами слухи эти распускали, чтобы брат не искал их.

А о себе бабушка моя говорила:

– А я была любимой дочкой отца покойного. Было нас, ребят, пятеро – три брата да две сестры. Сестра моя, Дашенька, умерла в детских годах. Обварили её из самовара кипятком, помаялась и умерла, а через год брат Саша умер. Пошёл рыбу ловить, кувыркнулся с берега и утонул... Тут и с матерью моей случилась беда, стала она винцо попивать, чтобы горе своё от потери сына и дочери размыкать. Сначала тайно у себя в горенке попивала, а как отец прознал да избил её за это баловство, тут она уж в открытую пошла и пила и день, и ночь... Сколько отец ни бил её, ни сажал в тёмный чулан, ничего не добился... Выйдет из чулана и ну опять пить... Так вот и жили мы, а отец с каждым годом становился лютым... Два брата мои, Гриша и Федя, боялись его как огня. Из послушания не выходили, а тоже, глядя на мать, стали винцо попивать да баловаться табачком. Узнал и про это отец и тоже бил их и в тёмный чулан сажал... Бывало, маму мою и Гришу с Федей поколотит и в тёмный чулан посадит. Так, бывало, мать с сыновьями и сидят в чулане. Сперва плачут-плачут, а потом начнут стихиры духовные петь, а то перейдут на песни, хохочут!.. И вышло тут так, что горничная одна подкуплена была матерью и носила им в чулан водочку с закусочкой да винцо разное. А то и так делала: запрячет раньше времени где-нибудь бутылочку, а то и две, а как придут узники в тюрьму, то тут им и выпивка изготовлена. Дознался и об этом отец и сослал ту горничную Палашу в самый дальний хутор на Урал. А когда летом поехал на хутор, то и отдал её насильно замуж за курносого и плюгавого сторожа, из башкир крещёного. А сторожа уволил, и поселилась Палаша в башкирской деревне, где наполовину магометане жили, а наполовину – крещёные... Да какие, прости Бог, эти самые крещёные христиане! В церковь не ходят да и молиться-то не умеют... И случилось тут так, что муж Палаши умер, и осталась она в деревне с башкирами, а тут и сама в магометанство перешла и за башкирца замуж вышла. Тут и осудили Палашу и сослали в Сибирь... Что случилось с нею, не знаю... А братья мои по-прежнему куролесили. Совсем отбились от рук. Парни были большие, одного уж и рекрутской квитанцией от солдатчины откупили, а другому было лет двадцать пять. И вышло так, что отец и Гришу с Федей в тот же дальний хутор сослал за обслуживание, а маму мою приковал на цепь в своей спальней... И жила я одна в доме с отцом-извергом, и ничего не могла сделать... Бывало, маме моей облегчение какое хочу сделать, а отец грозит, что и меня в дальний хутор сошлёт на поселение. А вышло так в скорости, что на этом самом хуторе оба брата мои в одночасье умерли... Затопили печь на ночь и спать легли, а поутру обоих их нашли мёртвыми – угорели. Узнала об этом мама и тоже вскоре умерла, руки на себя наложила и удавилась... Так на цепи прикованной и умерла. Рука была к кольцу в стене прикована, а голову просунула в петлю, а верёвку-то к раме дубовой привязала, да так и заглохла, родная моя... Все эти смерти вытрезвили отца, и стал он кротче, молился по ночам, а потом и церковь Покрова Пресвятыя Богородицы на городской площади выстроил на свои деньги и всё в эту свою церковь молиться ходил...

Страшным, загадочным призраком вставала предо мною фигура моего прадеда, и я часто боялся думать о том, что живу в доме, свидетеле таких страшных подробностей жизни моих предков. И молва горожан по-своему отмечала эту страшную жизнь. С каким-то злорадством мещане, мелкие купцы и вечно нуждающиеся чиновники говорили о страданиях нашего рода, как будто эти страдания доставляли им всем какую-то радость. Да как и не радо-

ваться! Стоит в пригороде особняком роскошный и богатый дом, где в довольстве живут люди. Всё как-то по особенному, всё не похоже на остальную жизнь в этом доме, и вдруг в этот же заколдованный и сказочный замок роскоши и довольства смело входят те же самые муки и страдания, которые так повседневно, так непрестанно живут среди бедного и обиженного жизнью люда.

– После смерти отца, – говорила бабушка, – осталась я одна в этом страшном доме на костях. Всё хозяйство взвалилось на меня, все хлопоты заставили меня проснуться к жизни. Что же я делала при жизни отца: пила, ела, красиво наряжалась, играла на клавикордах. Были у меня и подруги из купеческих и дворянских семей, но между ними и мною всегда жила зависть самая чёрная. С виду хорошо относились мои подруги ко мне, а в душе это были змеи подколотные. И вот, замкнулась я от всех и начала свою жизнь по дому. Торговля и завод замерли, оставила я это дело и думала о том, как бы выйти замуж да и сдать все дела мужу. А свататься за меня боялись, потому считали, что кто поселится в нашем доме, всё равно счастлив не будет. Так и намекали мне женихи: «мол, – распродай ты всё это чудовище, а тогда можно и свадьбу сыграть», а я думаю: «Берите, какая есть, а с трусами мне и жить не захочется». И вот случилось так, приехал к нам в город учёный человек Александр Иванович Дроздовский, дедушка ваш. Где-то в Москве он жил и был профессором, а вот приехал к нам в город и заинтересовался моим стоящим без дела заводом. Много расхваливали наш завод люди, вот и он заинтересовался. Пришёл, «Покажите, – говорит, – мне ваше заведение». Повела его я по заводу, а он красивый такой, вежливый да обходительный, каких мужчин у нас в городе отродясь и не бывало. Ну, раз пришёл, другой раз пришёл, а тут уж, прямо скажу, и ухаживать за мной стал, да и мне он нравился. А когда дело дошло до настоящего объяснения, и говорю я ему: «Как же, – говорю, – Александр Иваныч, вы войдёте в наш дом, если его все боятся?» Посмотрел на меня Александр Иваныч, улыбнулся и говорит: «Я без предрассудков и смерти не боюсь, потому знаю, что такое смерть, и рано или поздно она придёт». И вышла я замуж за моего героя. Сейчас же муж открыл завод, нанял рабочих и повёл дело по-своему. А только вижу я, что не с того конца начал дело, потому всё в теории разные отвлекался, химию он изучал и сам химик был. Теория его – одно, а жизнь – другое. И дело-то, вижу, не по настоящему стал вести: с рабочими как равный, а какое же равенство между теми, кто на тебя работает. Бывало, захотят рабочие отдохнуть – отдыхай. Захотят рабочие прибавки за работу, он и прибавку делает. Глядела, глядела я на его порядки и говорю: «Саша, да тебе бы у покойного моего отца поучиться, как надо дела торговые и промышленные вести». А он мне в ответ: «Веду дела по совести». И только. А порядки на заводе старые. А люди рабочие увидели, что за птица у них новый хозяин, и пошли ему на шею садиться. И вышло так, что как-то раз приходит ко мне в комнату муженёк мой и говорит: «Ну, – говорит, – завод надо закрывать, потому не могу я делами заниматься. Если делать так, как я делаю, то от нашего имущества в пять лет ничего не останется, а вести дело так, как вёл отец твой, я не могу, это не в моих принципах». Так он со своими принципами и порешил стать, а завод свой мы со всеми машинами и стенами продали купцу Вашину, тот его и увёз к себе в усадьбу. С тех пор вот этот пустырь-то во дворе и стоит.

IV

Я помню время, когда покойный брат мой называл деда Александра Ивановича святым человеком. Конечно, он преувеличивал, называя его так, но, несомненно, дед мой – человек незаурядный. Через всю свою жизнь он, не погрешая пред совестью, пронёс что-то своё. Жизнь заставляла его делать так, как она хочет, а он делал так, как подсказывала ему совесть. Потому он и пострадал, побеждённый. Я называл его Дон Кихотом, и мне казалось, что моё определение вернее определения брата. Да и брат соглашался с этим...

Милый брат мой Женя! И он умер Дон Кихотом. В бурю тонули на Каме люди, а он в крошечной лодочке бросился спасать их и утонул... Я должен рассказать об этом эпизоде в нашей общей с ним жизни. Он умер Дон Кихотом, а я остался жить себялюбивым эгоистом.

В тот роковой вечер мы вместе с ним были на берегу реки. Вышли из усадьбы посмотреть, что делается на Каме в бурю. Любили мы оба грозы и бури и, как только поднимался сильный ветер, тепло одевались и шли на берег. Так случилось и в этот вечер. Стояли на берегу и любовались бурей. А ветер вздымал волны, и белые гребни их насакивали на помост пристани и заливали мокрые доски. А посмотришь вдаль, и всюду, пока видели глаза, неслись по реке страшные волны и гудели и бросали в нас брызги. У берега поскрипывали на якорях барки, а дальше к стержню реки колыхались громадные плоты, и волны расшатывали крепы, а кое-где от плотов уже отделялись оторванные брёвна и неслись по воде вниз по течению.

И вот, слышим мы, донёсся с реки вопль о помощи. Насторожились мы, заволновались, а брат уже бежит к лодке. А с реки ещё отчаяннее доносятся вопли: увидели погибающие людей на берегу и в отчаянии и с надеждой на спасение ещё громче взмолились о помощи. А на чёрных волнах с белыми гребнями темнеют чья-то лодка и трое людей в ней. И вот вижу я, сбрасывает с себя брат тёплую куртку и остаётся в одной гимназической коломьянковой блузе.

– Скорее!.. Скорее! – кричал он мне, развязав причалы и двигая к воде нашу маленькую лодку, на борту которой было выведено краской имя «Отважный». – Скорее, Лёня! Садись на руль, а я на распашных.

Я бросился к лодке и стал около неё как вкопанный.

– Мы утонем!.. Куда мы поплывём!? – вдруг неожиданно для себя воскликнул я.

– Садись, садись скорее! – кричал брат, а я стоял у лодки с веслом и колебался.

– Скорее!.. Что ты за мямля!..

И брат выругался, как ругаются работники и кучера.

– Если не хочешь... я один!.. – крикнул он и начал грести к середине реки.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.